

2017 107

**Российская Академия Наук
Институт истории материальной культуры**

На правах рукописи

Вольная Галина Николаевна

**Прикладное искусство населения Притеречья
середины I тысячелетия до н.э.**
(на материале скифо-сибирского звериного стиля)

исторические науки
07.00.06.— археология

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
1997

Работа выполнена в Северо-Осетинском институте гуманитарных исследований

Научный руководитель — кандидат исторических наук
старший научный сотрудник ИИМК РАН
Боковенко Николай Анатольевич

Официальные оппоненты — доктор исторических наук
Кушнарева Каринэ Христофоровна
кандидат исторических наук
Килуновская Марина Евгеньевна

Ведущая организация — Отдел археологии Научно-исследовательского института истории, филологии и экономики Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Защита состоится “23” апреля 1997 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 200.15.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН (191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИИМК РАН.

Автореферат разослан “21” марта 1997 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Г. В. Сеницына

Территория Притеречья играла заметную роль в исторических процессах в середине I тыс. до н.э., являясь зоной, где проходило взаимодействие между культурными образованиями степных районов и горной зоны Северного Кавказа, скифской и кобанской культурами. Рассматриваемый период (VII-IV вв. до н.э.) для носителей этих культур — это период военной демократии, время экономического подъема, начало активного освоения железа, развития духовной культуры: к этому времени сложились основы героического эпоса, мифологии; развитие прикладного искусства получает новое направление.

В конце VII в. до н.э. во время переднеазиатских походов скифы, продвинувшись в Предкавказье, принесли наряду с совершенными формами оружия и конской узды, искусство “скифо-сибирского звериного стиля”.

После переднеазиатских походов скифы Северного Кавказа, отрезанные от основной массы скифских племен в Северном Причерноморье, не только оказывают влияние на местные племена этого района, но и сами начинают испытывать воздействие местной культуры. С VI в. до н.э. наблюдается значительная концентрация скифских памятников на территории Предкавказья. Зоной их непосредственного распространения были не степи, а лесостепи и предгорные районы, где они находились в близком соседстве с памятниками местного населения (Махортых С.В., 1981. С.104).

С конца VI в. до н.э., обитавшие на Северном Кавказе скифы попадают под культурное влияние, проникших сюда, “савроматских” этнических элементов (Мурзин В.Ю., 1984). Этноним “савроматы” условное, традиционно используемое в археологической литературе наименование кочевых племен обитавших в середине I тыс. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, не имеющее отношение к “савроматам” Геродота (Очир-Горяева М.А., 1988. С.16; Алексеев А.Ю., 1996). Окончательное исчезновение скифского населения на Северном Кавказе связано с проникновением в IV в. до н.э. на эту территорию сарматских племен (Мурзин В.Ю., 1981. С.27; Ильинская В.А., 1983. С.55-56).

В разное время искусство “скифо-сибирского звериного стиля” Притеречья испытывает влияние кобанской и кочевнической культур. До появления скифов в искусстве племен Притеречья использовались зооморфные образы. Некоторые компоненты этого искусства оказались близкими “скифо-сибирскому звериному стилю”, что послужило причиной взаимопроникновения этих двух художественных течений в памятниках Северного Кавказа и появления “кобанского варианта” скифо-сибирского звериного стиля (Виноградов В.Б., 1986). Его отличало сохранение и органическое использование элементов кобанского искусства (трактовка отдельных деталей, орнаментальность).

Появление и существование “скифо-сибирского звериного стиля” было связано с целым комплексом идеологических явлений, на который, в частности, воздействовала хозяйственная деятельность: охота, скотоводство, земледелие. У кочевников в это время сложилась мифологическая модель мира, круг божеств. “Скифо-сибирский звериный стиль” явился их знаковой изобразительной системой. В его основе лежал ограниченный набор образов, соотносимых с ключевыми элементами мифологической модели мира, а его памятники выражались предметными символами, богами пантеона, космическими категориями (Раевский Д.С., 1985. С.121-122).

У носителей кобанской культуры в это время существовал пантеон божеств, духов, прослеживались элементы тотемизма, выразившиеся в зоолатрии; существовали космогонические представления, магия, умиловительный культ божеств (Бараниченко Н.И., 1977). Эти представления отразились в фольклоре, а спое

материальное воплощение получили в прикладном искусстве (Кобанский, Тлийский, Новогрозненский могильники, Баксанское ущелье и др.).

Анализ находок производился неоднократно, однако со времени последнего обзора предметов зооморфного искусства Предкавказья (Виноградов В.Б., 1976) прошло 20 лет. Материальная база находок за это время возросла и позволяет выявить некоторые закономерности в его распространении в рассматриваемой локальной зоне, выделить характерные образы и излюбленные приемы оформления, а также определить его место в системе идеологических воззрений древних народов Северного Кавказа.

В результате планомерных хозяйственных раскопок, а также в ходе исследования разрушающихся памятников бассейна р. Терек, было обнаружено около двухсот предметов скифо-сибирского звериного стиля. Около полусотни образцов зооморфного искусства было найдено за последние 30 лет на равнине (Шали, Майртуп), в предгорьях в курганных могильниках Нартановский (1975 г.), Новосельские сады (1986 г.), Бамутский (1989 г.), Ачхой-Мартановский (1989 г.), Ассиновский (1990 г.), у с. Сунжа (1991 г.), в грунтовом могильнике у с. Ялхой-Мохк (1976 г.). Ряд находок был обнаружен случайно. Некоторые материалы, использованные нами в настоящей работе еще не опубликованы. Я выражаю благодарность авторам раскопок В.Б. Виноградову, С.Н. Савенко, С.Б. Буркову, Т.Тайсумову, П.К. Козасву, позволивших работать с неопубликованными зооморфными предметами.

Большинство находок “скифо-сибирского звериного стиля” Притеречья, найденные в комплексах, по погребальному обряду и сопутствующему инвентарю в погребениях, можно датировать концом VII-IV вв. до н.э.

Методология работы основана на диалектико-материалистическом понимании исторического развития общества.

Методика работы базируется на комплексном подходе к исследуемому материалу, целью которого является получение максимальной информации. При анализе использовались сравнительно-типологический, формально-статистический методы, метод реконструирования древних производственных процессов, искусствоведческий анализ зооморфной пластики. Использовались данные этнографии, лингвистики, фольклора.

Цель данной диссертации — рассмотреть все известные образцы скифо-сибирского звериного стиля с территории Притеречья и свести их в общую систему, которая позволит рассмотреть эти находки во всей совокупности, проанализировать общие закономерности художественного стиля, способы обработки материала, культурные взаимовлияния; определить с помощью анализа прикладного искусства, уровень материальной и духовной жизни древних народов, населявших бассейн Терека, их место в общей системе культур раннежелезного века юга России. Анализ искусства скифо-сибирского звериного стиля этого региона необходим для понимания роли древних народов Притеречья в развитии культур раннежелезного века.

Основная задача исследования состоит в выявлении на материалах Предкавказья исторической значимости идеологических и художественных инноваций, нашедших отражение в феномене “скифо-сибирского звериного стиля”.

Научная новизна работы состоит в том, что она является первым исследованием, которое всесторонне анализирует все известные к настоящему времени находки “скифо-сибирского звериного стиля” из Притеречья и воссоздает картину своеобразия и генезиса этого стиля. Эта работа, в числе других исследований по проблемам зооморфного искусства степной и лесостепной зоны юга России (Переводчикова Е.В., 1985, 1986, 1994; Галанина Л.К., 1985, Канторович А.Р., 1994), Центрального Кавказа (Кривицкий В.В., 1987, 1988, 1989) и др., позволит

составить целостное представление о развитии этого искусства, выявить его локальные особенности.

Практическая ценность работы состоит в возможности дальнейшего использования ее материалов в краеведческой и музейной работе для ознакомления с яркими находками прикладного искусства, что повысит интерес к истории и духовным истокам народного творчества. Данные настоящего исследования можно применять при преподавании исторических и искусствоведческих дисциплин в различных учебных заведениях.

Апробация работы. Содержание работы изложено в докладах на конференциях в Грозном, Москве, Краснодаре, Махачкале, Новочеркасске, Анапе, Кисловодске, Владикавказе, Армавире, Санкт-Петербурге. Работа обсуждалась на заседаниях отдела археологии и этнографии Северо-осетинского института гуманитарных исследований, сектора Кавказа и Центральной Азии Института истории материальной культуры РАН.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, списка литературы, таблиц, приложений.

Глава I. История находок предметов «скифо-сибирского звериного стиля» в Причеречье и их изучения

Первый этап изучения определяется накоплением материала и выделением находок скифо-сибирского звериного стиля среди других древностей кобанской и казаческо-харачоевской культур. Этот период изучения связан с именами первых исследователей древностей Кавказа — Г.Д. Филимоновым, Н.В.Ханыковым, В.Ф.Миллером, А.С.Уваровым, А.А.Бобринским, В.И.Долбежевым, Н.С.Семеновым, Г.А.Вертеповым.

В 30-е годы XX в. А.А.Иессен (1941), в своих работах делает первые попытки обобщить и проанализировать находки скифо-сибирского звериного стиля Северного Кавказа. Он выделил «некоторые, хотя и единичные образцы, местного варианта, так называемого скифо-сибирского звериного стиля» и сделал вывод, «что этот вариант имеет отличия от изображений Прикубанья и других локальных групп этого стиля». К исследованию находок скифо-сибирского звериного стиля на территории бассейна р.Терек в довоенные годы обращались также Е.Г.Пчелина, А.П.Круглов, О.А.Артамонова-Полтавцева.

С послевоенного времени времени до 50-х годов в подходе к этой проблеме господствовал историко-искусствоведческий подход, основное внимание уделялось типологической характеристике образов, их художественных особенностей, хронологии, ареалам распространения. Новый этап в исследовании стиля был продолжен в монографии Е.И.Крупнова (1961), считавшего раннюю стадию северокавказского звериного стиля исходной, древнейшей, испытавшей на втором этапе скифское влияние. В эти годы выявляются новые зооморфные находки, они интерпретируются и атрибутируются В.Б.Виноградовым, А.И.Шкурко, М.П.Абрамовой и др.

С 70-х гг. в изучении «скифо-сибирского стиля» на Северном Кавказе выделяется три направления: технологическое, стилистическое и семантическое.

Анализу методов изготовления и обработки бронзовой пластики и костяных и роговых поделок в Предкавказье в скифское время уделяется внимание в исследованиях В.И.Козенковой (1969.С.15-20), Р.С.Минасяна(1988.С.50), Т.М.Барцевой (1985).

Стилистический аспект скифского звериного стиля, в том числе и Причеречья, является наиболее разработанным. В его контексте большое внимание уделяется территории формирования скифского звериного стиля и взаимовлиянию автохтонов и кочевников.

В работах ряда исследователей В.И.Козенковой (1968.С.20-30.1973), В.Б.Виноградова (1972,1974), В.Б.Ковалевской (1985), М.Н.Погребовой, Д.С.Раевского, С.В.Махортых (1987.С.14-16), В.В.Кривицкого (1989.С.64.), С.Л.Дударева (1991), Е.В.Переводчиковой (1994. С.168,169) главное внимание уделялось влиянию искусства степняков на местное кавказское искусство. Обратное влияние прослеживается в работах В.Г.Петренко (1981.С.41-47), В.А.Ильинской и А.И.Тереножкина (1983.С.47-50.85). Версии о «разделении труда» между скифами-воинами и кобанцами-ремесленниками, производившими предметы прикладного искусства, придерживаются В.Б.Ковалевская (1984); М.Н.Погрехова и Д.С.Раевский Е.С.(1989, 1992), отмечая влияние культурных импульсов, полученных в переднеазиатских походах», проявившихся в некоторых художественных схемах скифского искусства (свернувшаяся в кольцо пантера, олень и козел с подогнутыми под себя ногами).

Вслед за А.А.Иессеном, на основе новых находок и на уровне последующих теоретических разработок, В.Б.Виноградов (1972,1976) определил основные черты местного северкавказского звериного стиля в скифскую эпоху и предложил для него термин «кобанский вариант скифо-сибирского звериного стиля». В его работах выделены периоды развития этого искусства: VII-VI вв. - влияние Северного Причерноморья, с VI по IV вв. до н.э. — зависимость от среднедонских и более восточных образцов, дана сводка кочевнических и аборигенных могильников Предкавказья, из которых происходят находки скифо-сибирского звериного стиля.

Публикации 70-х-80-х гг.: Н.Л.Членовой (1978), С.Л.Дударева, Х.М.Мамаева, З.И.Хасбулатовой (1987.С.6-22), Е.В.Переводчиковой и Д.С.Раевского (1981) посвящены сериям отдельных находок, где на основе стилистически-типологических сопоставлений исследователи затрагивают проблемы происхождения и генезиса отдельных сюжетов и иконографии звериного стиля Северного Кавказа.

Семантике “скифо-сибирского звериного стиля” Предкавказья, мировоззренческим корням, мифологической и космологической основе этого искусства уделялось внимание в исследованиях Д.С.Раевского (1977, 1983, 1985, 1987 22.), Е.Е.Кузьминой (1983,С.96), В.В.Кривицкого (1977, 1986, 1987, 1988, 1989), Б.В.Техова (1976). В работах они обращаются к различным источникам: фольклору народов Северного Кавказа, в частности Нартовскому эпосу, иранским текстам («Авесте», «Ригведе»), сообщениям античных авторов об обычаях и верованиях ираноязычных кочевников.

Современный период исследования искусства “скифо-сибирского звериного стиля” характеризуется все большим использованием формально-статистических методов исследования, сопоставлением более широких хронологических и пространственных параллелей, в которых находит свое место находки зооморфного искусства Причеречья (Переводчикова Е.В.,1994; Зуев В.Ю.,1993.С.38-53; Кузнецова Т.М.,1995, Канторович А.Р.,1995, Козенкова В.И.,1996).

Глава II. Характеристика предметов “скифо-сибирского звериного стиля” из памятников Причеречья

Параграф 1 главы II Типологическая классификация зооморфных предметов

Предметы были выделены в отделы по морфологическим признакам: моделировка поверхности (плоская, рельефная, объемная, цилиндрическая), поза животных, трактовка частей тела (глаз, ушей, морды, клюва, копыт, лап), элементы орнамента. Эти признаки наиболее точно определяют сущность рассматриваемых находок, как предметов искусства. Была выявлена степень взаимовстречаемости признаков между парами предметов и построены дендрограммы. Их анализ позволил выявить многочисленные группы предметов с наиболее прочными связями,

определяющими художественно-стилистические локальные и хронологические особенности кобанского варианта «скифо-сибирского звериного стиля»: зооморфно оформленные акинаки, птицевидные пряжки «типа Исти-Су», наконечники ножен в виде грифонов голов.

Для наиболее ранних акинаков конца VII- начала VI вв. до н.э. с почковидным и сердцевидным перекрестием “исконно скифского типа” (Алексеев А.Ю.,1991.С.279) характерно навершие в виде завернутого в волюту клюва птицы. Для акинаков VI-V вв. до н.э. с бабочковидным и трапецевидным перекрестием, присуше навершие в виде птичьих голов с загнутыми клювами и изображение небольшого круглого глаза, продольное и/или поперечное рифление на рукоятке и клинке. В оформлении последних ощущается влияние прикладного искусства кобанской культуры.

Наконечники ножен в виде грифонов голов типологически тесно связаны между собой (Белореченский, Фаскауский могильников, Верхний Аул) и имеют слабые связи с другими изображениями хищной птицы. Это является показателем их инокультурного (переднеазиатского) производства и отсутствия корней в местном прикладном искусстве. К этой группе примыкает наконечник в виде головы грифона из Кобанского могильника, заимствующий образ и моделировку поверхности импортных изделий, но оформленный в соответствии с кобанским прикладным искусством сквозным орнаментом.

Типологический кластерный анализ поясных пряжек “типа Исти-Су” выявляет сильные связи внутри этой группы и позволяет установить центр их производства в горах Юго-Восточной Чечни и импортирование их в предгорья Предкавказья.

Другие предметы составляют пары или тройки с аналогичными им предметами, что связано с большой степенью взаимопроникновения в прикладном искусстве Притеречья различных культурных влияний.

Анализ орнаментации предметов показал, что предметы оформленные сплошным, зигзаговидным, пуансонным орнаментом, двойной линией и рифлением достаточно сильно связаны между собой. Такая орнаментация связана с традициями кобанской художественно-ремесленной школы.

Кластерный анализ признаков предметов выделил 5 крупных групп связанных:

1. с влиянием луристанского и урартийского искусства (плоская моделировка поверхности, поза “скребущегося хищника”, мягко очерченная морда, орнаментальность). Характерна для гор и предгорий центральной и восточной части Притеречья.

2. с “келермесско-саккызской” группой предметов (рельефная моделировка поверхности, кольчатые лапы, сердцевидные двухдольчатые уши, очерчивание контуром губ и ноздри, крупный глаз из концентрических окружностей с точкой), характерна для изображений из памятников конца VII- начала VI вв. до н.э. равнин, центральных и западных предгорий и гор Притеречья.

3. с влиянием второй волны кочевников из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в конце VI-V вв. до н.э. (моделировка поверхности разнообразная, использование мотива капли в трактовке ушей, глаз и в орнаментации), была широко распространена в памятниках из предгорий Притеречья.

4. со скифскими и “савроматскими” чертами (глаз и ноздря в виде точки, очерченные контуром, использование пуансона, каплевидного орнамента). Представляет собой локальный вариант характерный для памятников равнин и западных предгорий Притеречья.

5. с влиянием искусства Сибири, Алтая, Средней Азии, появившаяся в Притеречье благодаря второй кочевнической волне (перекрученная задняя часть туловища, оскаленная пасть с валиком по краю переходящим в волюту у хищников,

длинное листовидное ухо копытных, дуговидный орнамент). Характерна для восточных предгорий Притеречья.

В конце VI - V вв. до н.э. появляется несколько стилистических групп признаков связанных с работой мастерских различных художественно-ремесленных направлений.

Параграф 2 главы II **Функциональное назначение предметов прикладного искусства** дает представление о частоте использования зооморфных образов на различных группах предметов. В "скифо-сибирском зверином стиле оформлялись предметы вооружения: навершия акинаков, рукояти ножей, наконечники пожен (39%); предметы конской сбруи: псалии, налобники, привески и накладки на сбрую(38%); поясные пряжки (11%); зеркала, гребни (9%) и др. На предметах вооружения преобладает изображение хищных птиц и животных. Наиболее ранние изображения "скифо-сибирского звериного стиля" появляются на навершиях и бутеролях мечей и кинжалов, навершиях жезлов, привесках к сбруе, трехплетчатых псалиях. В VI в. до н.э. к этим категориям предметов добавляются конские налобники, привески в виде клыка, оформленные в "скифо-сибирском зверином стиле". Античный зооморфный импорт представлен зеркалами с боковыми ручками и гребнями. Представители кобанской культуры в "скифо-сибирском зверином стиле" стали оформлять поясные птицевидные пряжки. Акинаки и псалии изменяясь конструктивно, сохраняли типы зооморфных изображений. Анализ функционального назначения предметов позволяет уточнить датировку зооморфных сюжетов, проследить их развитие и установить их культурную атрибуцию.

В параграфе 3 главы II **Технологические приемы использовавшиеся при производстве предметов прикладного искусства** определяется использование различных инструментов и разнообразные способы обработки материалов в среде различных археологических культур, что позволяет более точно определить этническую атрибуцию находок. Особенно это касается предметов совмещающих в себе несколько культурных влияний, а также копий, инокультурных подражаний. Выделяются способы обработки материала а). косторезное мастерство, б). бронзолитейное производство, в). холодная обработка металла, г). художественнаяковка железа.

а). 12% предметов из Притеречья выполнены из кости. Развитию **косторезного мастерства** способствовала доступность материала (кости и рога), в связи с развитым животноводством и охотничьим промыслом номадов и представителей кобанской культуры. Большинство предметов из кости имеет иконографию связанную с раннескифским искусством(56%) .

Различные категории предметов изготавливались из различных видов кости: плоские привески на сбрую из кабаньего клыка, объемные из костей пористой структуры, конские псалии из средней части цевки. Для изготовления предметов прикладного искусства использовались различные инструменты: для придания формы кости - ножи, рашпили, для отверстий - буравы, проколки, шило. Лицевая сторона костяных предметов полировалась песчаником и каменными лощилами.

Существовали различные способы обработки кости: распрямление (накладки на рукояти ножей из Ялхой-Мохкского, Аллероевского, Малгобекского и псалии из Нартановского могильников), полировка, ажурная резьба и гравировка (могильник Бамутские сады, Ассиновский, Нартановский, Ялхой-Мохкский, Аллероевский, Ачхой-Мартановский, Гойтинский могильники, находка у с.Малгобек). В гравировании использовались шилья, ножи (Нестеровское, Алхастинское, Бамутское поселения), для выборки ажурных отверстий — пилочка. Применялся циркулярный резец (Бамутские сады). Косторезные традиции связанные с влиянием второй кочевнической волны в Притеречье и находят свое воплощение в имитации резьбы на

привесках к сбруе в форме клыка (Ялхой-Мохкский, Новогрозненский м-кн, св.Реком).

б). 66 % предметов "скифо-сибирского звериного стигля связаны с бронзолитейным производством. О таком способе литья свидетельствуют следы литниковых каналов на многих предметах пластики из Притеречья.

С помощью литья по восковой модели изготавливались объемные предметы; привески к сбруе, налобники (курганные могильники Ачхой-Мартановский, Бамутские сады, Нартганский, погребения у с. Ялхой-Мохк); плоские предметы с односторонним изображением: зеркало (Новосельские сады), привески к сбруе (с.Кобан, Нартановские курганы, с.Ялхой-Мохк); ажурные предметы: привески к сбруе (с.Кобан), птицевидные пряжки, наконечники ножен (Урус-Мартана, с.Советское и с.Шали, с.Сунжа).

Восковые модели для литья изготавливались в технике лепки с помощью жгутов плоских или круглых в сечении (Казбекский клад, св. Реком, Кобанский, Белореченский, Фаскаууский, Урус-Мартановский, Ялхой-Мохкский мог-ки). Композиции монтировались из различных элементов (голова — туловище — ног — рогов; глаза — восковицы — клюва). Для этих предметов характерна замкнутая композиция, со сквозным внутренним пространством. Использовалась аппликация деталей (головки птиц на частях тела животного; глаза), являясь элементом иконографии, она укрепляла конструкцию. Сквозной орнамент из треугольников выполнялся с помощью зигзагообразного жгута закрепленного между двумя плоскостями (наконечник ножен из Кобанского мог-ка, привески к сбруе со ст.Казбек, св.Реком). Такая техника изготовления моделей для литья связана с влиянием луристанского и кобанского прикладного искусства (Деген Б.Е., 1941. С.278; Минасян Р.С., 1988. С.53).

Использование техники резьбы по затвердевшему воску в изготовлении моделей для литья связано с иконографией раннескифского искусства. Для него характерны четкие грани (налобники из Ачхой-Мартановского и Ялхой-Мохкского мог-ков). Эта техника ведет свое начало от мастерства резьбы по дереву (Минасян Р.С., 1988. С.57).

Для бронзовых отливок выполненных в низком рельефе и связанных с иконографией кочевнической волны с Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, характерна графическая прорисовка деталей на восковой пластине, углубление или сквозная выборка фона, использование сквозного и контурного тиснения полыми цилиндрическими штампами по воску, что определило преобладающее число предметов с орнаментом из окружностей и дуг, каплевидного орнамента (наконечники ножен из с.Сунжа, с.Советское, Шали, рукоятки ножа из Урус-Мартановского мог-ка). Подобная техника ведет свое начало от гравировки по кости. С этим художественно-ремесленным течением связана объемная пластика, для которой характерна уплощенность, сочетание мягких лепных форм с использованием резьбы (уши, зубы), прорисовка деталей с углублением фона (глаза) (привески к сбруе из Ачхой-Мартановского, Бамутского, Ялхой-Мохкского могильников, топорики из Новогрозненского могильника).

в). Холодные способы обработки металла были распространены в прикладном искусстве кобанской культуры. Специальными металлическими чеканами северокавказские мастера орнаментировали поверхность уже отлитых предметов: топорики (Новогрозный), птицевидных пряжек, привесок к сбруе (Ялхой-Мохк). Гравировка и резьба по бронзе использовалась в оформлении предмета, уточнении рисунка, исправлении погрешностей литья. Иногда гравировка имитировалась чеканкой.

Использование чеканов с различной формой ударной части прослеживается при трассологическом анализе оттисков на металлических предметах: пуансона,

окружностей, рифления. Использование чеканки в оформлении предметов “скифо-сибирского стиля” в Притеречье характерно для кобанской ремесленной школы.

Для “савроматского” прикладного искусства характерно использование гравировки, как по кости, так и по металлу.

Техника металлопластики золотой фольги по костяной или деревянной матрице известна в Притеречье лишь в связи с импортом античных и переднеазиатских (ахеменидских) изделий (навершие кинжала из Ассиновского кургана № 3, пог.1, накладка на колчан из Нартановского кургана № 9, пог.1). Использование золота в качестве материала является одним из показателей импортного производства предметов и не характерно для прикладного искусства Притеречья. Античное косторезное мастерство в Притеречье представлено в зооморфно оформленных предметах.

г). **Художественная ковка железа** в прикладном искусстве Притеречья использовалось лишь в оформлении когте- и клювовидных наверший акинаков (около 20%) и не получило в это время широкого распространения в других категориях железных предметов. В изделиях прикладного искусства из железа с конца VI в. до н.э. прослеживается использование приемов характерных для обработки бронзы в кобанском искусстве (чеканка на рукоятях акинаков).

Судя по сериям однотипно оформленных предметов: 1. поясных пряжек «типа Исти-Су», Элистанжи, Орехово, Воздвиженская, Майртуп, Ялхой-Мохк, Хатунь, Исти-Су, Ассиновская); 2. наконечников ножен в виде головок грифонов с языком (Тли, Кабан, Рутха, Галиат, Белореченский могильник); 3. ажурных наконечников ножен (Шали, Урус-Мартан, Сунжа, Советское); 4. пластин в виде фигурок оленей и волков (Кабан, Казбск); 5. объемных привесок к сбруе (Ассиновская, Бамут) можно предположить, что на территории Притеречья в середине I тыс. до н.э. существовал целый ряд бронзолитейных центров: на юго-востоке горной зоны Чечни; в горной зоне Осетии; в предгорьях на границе Чечни и Ингушетии.

Развитие бронзолитейного производства в Притеречье было обусловлено наличием здесь богатой металлургической базы и существованием мастерских, связанных с бронзолитейными традициями поздней бронзы. Многие предметы зооморфной пластики середины I тыс. до н.э. были найдены в окрестностях металлургических и бронзолитейных центров в с.Зильги, Кабан, на месте Сержень-Юртовского, Нестеровского, Курчалоевского, Лугового и Бамутского поселений X-VII вв. до н.э., что может свидетельствовать о продолжении функционирования мастерских этих центров.

Технологические приемы в прикладном искусстве были наименее подвержены изменениям и фиксировали все предшествующие достижения в этой области, поэтому техника изготовления помогает определять принадлежность раритета к той или иной культурной традиции, той или иной мастерской. Художественные особенности, напротив, в наибольшей степени подвержены изменениям и позволяют определить влияния различных культур.

Параграф 4 главы II Художественные особенности предметов прикладного искусства бассейна р.Терек. Наиболее распространенной зооморфной позой копытного животного в Притеречье было изображение животного с повернутой назад головой и подогнутыми под себя ногами (29%), для хищников — с вывернутой задней частью туловища (26%), «привстающее» животное с повернутой назад головой (23%). Наиболее частой является сквозная выборка фона — 45%. Для зооморфных находок Притеречья характерна орнаментация в 60% от общего числа находок. Орнаментация кружками - около 41%, каплевидный орнамент - 31,5%, использование параллельных штрихов - около 32%. Реже использовалась орнаментация S и C - образными линиями, орнаментация треугольниками в 13%, использование двойной линии по контуру, иногда с рифлением и точками между ними - 13 %. Изображение

частей тела животного замещает его образ (клюв, морда, нога, лапа, коготь, глаз) в 13%. Для 0,9% изображений характерно двойное использование образа зверя или птицы в одном предмете.

В ряде случаев элементы орнамента совпадают с изображением отдельных частей тела (глаза, клювы, зубы, уши). Глаза в 66 % изображаются как точка, круг, дуга, капля, ромб. Зубы в 25% в виде треугольников и дуг. Клювы в 15% в виде С-видного элемента. Копыта в 20% в виде капли и треугольника. Лапы в 15% в виде концентрических окружностей. Уши в 31% в виде капли. Это указывает на значительную степень стилизации предметов из Притеречья. Наибольшее число стилизованных элементов составляют глаза и уши. Возможно это было связано с их большой семантической нагрузкой.

Для предметов конца VII- начала VI вв. в композиции из нескольких образов присуще расположение одного образа над другим, что служит показателем размещения изображений в разных плоскостях, разных мирах. Изображения птичьих голов размещены на конце ноги или лапы. С VI в. до н.э. более характерна композиция, расположенная горизонтальной плоскости, изображения в таком случае являются равнозначными, дублирующими друг друга, птичьи клювы и головы размещаются на бедре, лопатке, голове и хвосте животного. Если для кочевнического искусства характерно размещение симметричных голов животных и птиц относительно вертикальной оси (псалтин, клыки-привески), то для кобанской иконографии присуще использование фигурок животных в аналогичных композициях (поясные пряжки "типа Исти-Су" и "дигорского типа").

Поза животных претерпевает различные изменения. С конца VII по V в. до н.э. включительно в памятниках Притеречья встречается изображение хищного животного свернувшегося в кольцо и на согнутых лапах ("скребущийся хищник"), а также изображения копытных животных с подогнутыми под себя ногами с головой повернутой назад (конец VII-VI вв. до н.э.) и устремленной вперед (VI-V вв. до н.э.). Изображение склоненного хищника и животного с вывернутой задней частью туловища, "на пуантах" появляется в VI в. до н.э. и связано с появлением второй кочевнической волны, принесшей с собой сибирские, алтайские и среднеазиатские художественно-стилистические влияния.

Изменялась и иконография зооморфных образов, это наглядно прослеживается в иконографии голов хищной птицы, хищного и копытного животного.

Для изображений хищной птицы из памятников конца VII- начала VI вв. характерно изображение кольцевидного клюва без восковицы и крупного глаза из концентрических окружностей (Комаровский, Нартановский м-ки). В VI в. до н.э. в иконографии головы хищной птицы появляется 3 стилистических течения. Одно из которых продолжает иконографию раннескифского искусства. Остается изображение большого глаза из концентрических окружностей и кольцевидного клюва. Появляется изображение восковицы, нередко гипертрофированное, клюв заворачивается в волюту.

Для второго направления этого периода характерен слабо загнутый широкий клюв с прорезью, отсутствие восковицы, глаз пропорциональных размеров в виде окружности или капли, длинная тонкая шея, изображение в области горла окружности или "капли", оформление рядами параллельных линий.

Третье течение представляет изображение головы птицы с дуговидным, слабо загнутым клювом, выделенной восковицей, каплевидным глазом, орнаментацией пуансоном и зигзагом. Такая иконография характерна для изображений на клыках-привесках и их имитациях. Конфигурация клюва обусловлена формой узкого конца клыка.

Иконография головы хищника и копытного в конце VII- начале VI в. до н.э. совпадает. Для обеих характерно двухдольчатое сердцевидное ухо, круглый глаз, ноздря в виде точки, рот обозначенный прямой линией. Ноздря и рот обведены контуром.

С VI в. до н.э. иконография хищника и копытного в претерпевает изменения в связи с появлением в Притеречье второй кочевнической волны. Для одного из типов изображений хищного животного VI-V вв. до н.э. связанного с "савроматским" влиянием характерно изображение оскаленной пасти с валиком по краю, переходящим в волнообразную ноздрию, изображение складок на носу. Глаз — пропорциональный в виде окружности или "капли", уши — острые. В оформлении используется рифление. В области шеи — округлый или каплевидный элемент. Другой тип иконографии головы хищного животного связан с кобанским влиянием. Для него характерно изображение "обрубленной морды", резкое выделение надбровной дуги и нижнечелюстного выступа, орнаментальная трактовка зубов рифлением, глаз круглый с точкой в центре или отсутствием.

Для иконографии копытного животного с VI в. до н.э. также выделяется два стилистических направления. Для кобанского характерно изображение длинного носа с расширением на конце, выделение резким выступом надбровий и нижней челюсти, небольшой круглый глаз. Для иконографии головы копытного животного, связанного со второй кочевнической волной характерен горбоносый профиль как в иконографии лося, так и козла, ноздря в виде воллуты, длинное листовидное ухо.

В иконографии копытного животного и хищника различных художественно-стилистических течений отмечается использование аналогичных элементов, что может свидетельствовать об использовании в искусстве Притеречья уже сформировавшихся и устойчивых художественных элементов. Характер их взаимодействия заключался в замещении устойчивых элементов прикладного искусства одной культуры на элементы другой. Такими элементами являются поза животного, профиль головы, иконография глаза, клюва, носа, рта (пасти), уха, лапы, являющихся иконографически и семантически значимыми элементами.

Орнаментация с использованием двойной линии, зигзага и пуансона связаны с кобанской струей в "скифо-сибирском зверином стиле" Притеречья и находят параллели в искусстве Закавказья и Передней Азии начиная с эпохи бронзы. Эти элементы связаны с изображением фактуры поверхности (шерсти, перьев, кожи). С-видные и каплевидные элементы были привнесены второй кочевнической волной. Антикное влияние начиная с V в. до н.э. привнесло в "скифо-сибирский стиль" Притеречья такие орнаментальные элементы как фестоны, пальметки, концентрические окружности.

В параграфе 5 гл.II **Состав образов животных на предметах различного функционального назначения** выявляется связь зооморфных образов с семантикой предметов на которых они изображены. Образы птиц встречаются на предметах конской сбруи (67%) (на псалиях, накладках на сбрую, налобниках); на предметах вооружения (12,5%) (на навершиях акинаков); на поясных пряжках (12,5%). Птицы чаще представлены головами, реже фигурками, крыльями, клювами, когтями.

Хищники изображаются на предметах сбруи (37%). привесках, накладках. Около 37% хищников известно на поясных пряжках. На предметах вооружения хищников — около 25%. на наконечниках ножен, навершиях рукоятей акинаков, рукоятях кинжалов и охотничьих ножей, накладке на колчан. Их образы представлены фигурками и головами, как правило, в профиль, со спины, с вывернутой задней частью тела. Образ волка часто сочетается с образом хищной птицы на кlyках-привесках, их имитациях и на псалиях. Копытные наиболее часто встречаются на конской сбруе (в 67%), крайне редко на предметах вооружения. Представлены как правило фигуркой или протомой.

Плоскостные и рельефные фигуры копытных изображены в профиль с разными вариациями подогнутых ног и головой повернутой назад или вытянутой вперед. Образы оленей отличает большая степень стилизации, чем козлов, что может свидетельствовать об их заимствовании из различных источников.

Некоторые образы кобанского искусства исчезают (змея, конь, медведь). В конце конце VII-начале VI вв. до н.э. скифы приносят в зооморфный репертуар искусства Притеречья изображение хищной птицы, хищной птицы с рогом, грифона с языком, барана, кошачьего хищника, новую трактовку образа козла, оленя, орла, пантеры. В VI в. до н.э. в памятниках бассейна р.Терек, с продвижением в Предкавказье кочевников из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, появляются еще изображение хищника семейства псовых, лося, зайца, кабана, петуха, хищной птицы с зубами.

Во второй половине V-IV вв. до н.э. количество образов сокращается, остаются изображения оленя, лани, хищной птицы.

Глава III Локальные зоны распространения прикладного искусства в Притеречье

На территории Притеречья смешивались художественно-стилистические и ремесленно-технологические течения кобанской, скифской культур и "савроматской" культур, сформировавших «кобанский вариант» скифо-сибирского звериного стиля. Кочевники явились благодатной средой для распространения культурных импульсов передневожосточных и античной цивилизаций.

Для анализа художественных особенностей предметов искусства, были выбраны признаки, характеризующие особенности искусства кобанской, скифской и "савроматской" культур: состав образов, степень стилизации, моделировка поверхности, орнаментация. Было выделено 8 локальных групп, учитывая природные условия и концентрацию памятников: 1. Равнины (среднее течение р.Терек); 2. Предгорья Кабардино-Балкарии (междуречье среднего течения р. Нальчик и р.Малки), 3. Предгорья Северной Осетии (бассейн среднего течения р.Ардон, р.Фиагдон и р.Гизельдон); 4. Предгорья Чечено-Ингушетии (запад) (междуречье среднего течения р.Сунжа и р.Мартан); 5. Предгорья Чечено-Ингушетии (восток) (междуречье среднего течения р.Мартан и р.Гумс); 6. Горы Кабардино-Балкарии (междуречье верховий р.Баксан и р.Черек); 7. Горы Северной Осетии (верховья рек Ардон, Фиагдон, Гизельдон), 8. Горы Чечено-Ингушетии (верховья рек Элистанжи, Гумс, Аксай).

Выявляется относительная малочисленность зооморфных предметов в степях — 11,9% и наибольшая в предгорных районах — 59,8%, в горах — 28,2%.

Анализ выделенных признаков показал, что в степных районах Притеречья равномерно распределены кочевнические черты. Зооморфные находки из степных районов в основном происходят из курганов. На западе часть зооморфных находок в большей степени обладает скифскими чертами, на востоке несколько сильнее представлены "савроматские" черты, что не противоречит распространению этих двух кочевнических групп в степях Предкавказья.

Предгорья: в Кабардино-Балкарии сильное влияние скифских элементов, в Северной Осетии - кобанских, в западной части Чечено-Ингушетии - кочевнических признаков, в восточной части Чечено-Ингушетии - незначительное преобладание кобанских и восточных кочевнических черт над скифскими.

Горная зона: в Северной Осетии наблюдается сильное кочевническое влияние. Чечено-Ингушетии кобанское, меньше кочевническое. Преобладание кобанских элементов в зооморфном искусстве предгорий Северной Осетии, а кочевнических в горах Северной Осетии объясняется тем, что основным занятием жителей этой зоны

было отгонное скотоводство, с размещением зимних пастбищ за ее пределами на плоскости, что и определяло направление этнокультурных контактов (Махортых С.В., 1991. С.12.) и возможность проникновением скифских предметов. Большая вероятность проникновения скифского импорта с Южного склона Главного Кавказского хребта.

Граница предгорий Северной Осетии и Чечено-Ингушетии начиная с VI вв. до н.э. служила границей между скифским художественным влиянием и искусством второй кочевнической волны, черты последнего, с продвижением запада на восток возрастают. Смешанными чертами отличаются зооморфные находки предгорных грунтовых могильников: Ялхой-Мохка, Шали, Урус-Мартана. Памятники близкие к предкавказским степям: Ассиновский, Бамутский, Новосельские курганы являют черты кочевнического облика. Зооморфные находки в памятниках к западу от Терека имеют больше скифских черт. К этим памятникам относятся Нартановские курганы, курган у с.Суижа, Белореченский могильник и др. Ближе к горам в памятниках кобанской культуры из с.Кобан, Галиат, Фаскау, ст.Казбек, с.Верхний Аул наряду с чисто скифскими образцами встречаются вещи смешанного скифо-кобанского облика. В памятниках горной зоны с запада на восток растет число черт кобанской культуры.

Обращает на себя внимание сильное, по сравнению со скифским взаимопроникновение элементов кобанского и звериного стиля восточных кочевников. Это касается орнаментации, композиции, состава образов. Скифские образцы обычно копируются кобанскими мастерами, несколько видоизменяясь и оформляясь орнаментом в соответствии со вкусами кобанцев. Выявляется распределение различных видов орнаментации в различных зонах Притеречья. В степях преобладает орнаментация окружностями, рифленис и фестоны. Для всех предгорий и гор характерно оформление двойной линией, окружностями, рядами параллельных линий, рифление. В горах Чечни преобладает зубчатый, елочный орнамент, оформление двойной линией и пуансон. Схожее сочетание орнаментации для горной зоны Северной Осетии и предгорий Кабардино-Балкарии: двойная линия, окружности, рифленис. Это может свидетельствовать о существовании нескольких художественных центров.

Объемные предметы из кости в большей степени обладают скифскими чертами, плоскостная гравировка по кости характерна для кобанского искусства, рельефная и объемная для кочевнического.

Художественные особенности и состав образов животных отражали религиозные и идеологические представления населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э.

Глава IV. Место предметов прикладного искусства в религиозных представлениях народов Притеречья

Рассмотренные сквозь призму этнографических и фольклорных источников северокавказских, индоиранских народов, образы животных интерпретируются, определяется их место в системе идеологических воззрений (космологии и пережитках ранних форм религий) племен и народов населявших бассейн р.Терек в древности. В раннем железном веке при переходе к антропоморфизации божеств у скифов и народов Притеречья сохранялся зооморфный код в обозначении зон мироздания, место в котором, каждое животное занимало исходя из семантики своего образа, сложившегося в ходе хозяйственно-культурной деятельности.

Копытные. Исходя из вербальных параллелей, выясняется существование связи между культом плодородия, чадородия и образом козла. Козел часто использовался в качестве жертвенного животного. Преимущественное изображение козла на конской сбруе предполагает связь этого образа с семантикой образа коня.

Образ козла в “скифо-сибирском зверином стиле” Притеречья связан с солярной символикой, о чем свидетельствует использование его образа на зеркале (Нартановский могильник). У народов Притеречья козел соотносится с культами плодородия и земледелия, с этим связано подчеркивание шерсти рифлением как символа растительности.

Образ оленя связан с промысловыми культами и появляется на предметах сбруи и вооружения. Образ лося семантически связан с образом оленя и появляется в “скифо-сибирском зверином стиле” Притеречья со второй волной кочевников. Эти образы связаны с солярными и астральными культами. Акцентирование на изображении (орнаментация, размер) рогов в изображениях оленя и лося связано с олицетворением ими солнечного сияния. Изображение шерсти рифлением и зигзагом на фигурах оленей соотносится с солнечными лучами.

По археологическому материалу отмечается полисемантика копытных животных, связь их образов с солярной и астральной символикой, с оплодотворяющим началом в земледельческих культах, что свидетельствует о связи образов этих животных с верхним миром в религиозных представлениях народов Притеречья в древности. Большое семантическое значение придает рогам и шерсти копытных животных, что находит воплощение в бронзовой и костяной пластике.

Кабан. Его изображения встречается на предметах вооружения, наряду с образами хищных животных и птиц. Образ кабана соотносится с нижним миром, через его функции рыхления земли в земледельческих культах кавказцев (Мусаев Р.М., 1981, С.78-79). Связан с влиянием второй кочевнической волны, но находит тотемистическое почитание в среде северокавказских народов. Части тела кабана, в том числе и клыки (Ялхой-Мохкский, Новогрозненский м-к, св.Реком) являлись у народов Северного Кавказа сильным апотропеем. Образы хищных животного и птицы на кабаньих клыках усиливают его функции в качестве оберега.

Хищники в космологии народов бассейна р.Терек, как правило, — хтонические животные. Образ кошачьего хищника связан с кочевническим влиянием. “Свернувшийся в кольцо хищник” находит аналогии в виде образов свернувшегося в кольцо дракона или змеи охраняющих воду или девушку в фольклоре северокавказских народов. Поэтому этот сюжет на привесках к сбруе (Нартановский, Фаскауцкий, Ассиновский, Луговой м-ки, курган у х.Степной, Северная Осетия) мог иметь охранительные функции. На привесках к сбруе в виде протом пантер (Бамутский м-к) акцентируется внимание на зубах и клыках, что может свидетельствовать об использовании этого образа в качестве апотропея.

Образ волкообразного хищника обычно помещался на предметах вооружения и отражал смертоносную сущность оружия и связан с социальными отношениями мужских военных союзов. Волк почитался в качестве тотема, в этнографии отразилось представление об оборотничестве волка. В искусстве “скифо-сибирского звериного стиля” в связи с этими представлениями появляется изображение волка в человеческой одежде (топорик из Новогрозненского м-ка), аналогичная изображениям волкообразных существ на триалетском сосуде, изображение копытного о волчьей головой (привеска к сбруе из Ялхой-Мохкского м-ка), изображение-перевёртыш головы волка (привеска к конской сбруе из м-ка Бамутские сады). Со скотоводческими культами и обычаем “завязывания пасти волку” может быть связано его изображение на наконечниках ножен. Клинок воткнутый в землю или ножны “не позволяя” на какое-то время волку истреблять скот. Хищность волка всячески подчеркивалась на наконечниках ножен, а также на привесках к сбруе: выделялась пасть, на клыки, зубы, когти наносился орнамент. Выделялись глаза. В этнографии и фольклоре Северного Кавказа частям тела волка придается значение оберега, они используются в различных магических действиях. Волк предстает в представлениях народов Северного Кавказа как символ удачи. Его изображение на

предметах вооружения и сбруи — пример переноса качеств присущих волку (смелости, удачливости, неуязвимости) на человека.

Зайцы. В археологических находках встречается, как правило, на предметах принадлежащих женщинам (зеркало из могильника Новосельские Сады), что соответствует водной природе женского начала в мифологических представлениях многих народов. Соединение солярной природы (зеркало) и водной (зайца), видимому отражало культы животворящего истока и объединяло влияние двух зон мироздания в одном предмете. Изображения зайца связаны с его ролью жертвенного животного и культурами порождающей природы.

Птицы. Семантически образы птиц в космологических представлениях народов Притеречья связывалась с верхней зоной мироздания и являлись носителями благодати. На это указывает изображение на них солярной и астральной символики (окружности, ромбы, спирали, лучи). С идеей смерти и «благото терзания» связан образы птицы с зубами. Семантику этого образа усиливает дублирование образом хищника. Хищные птицы с зубами находят параллели в индоиранской мифологии в виде образов Сасны, Симура, Паконзи, совмещающих в себе черты птицы и зверя (Абаев В.И., 1973.С.242; Бессонова С.С., 1977.С.15-16). Существовала зависимость от их изображения на предметах различного функционального назначения. Образ птицы использовался в продольно-симметричных композициях связанных с осью мироздания на клювовидных навершиях акинаков, птицевидных поясных пряжках, навершиях жезлов. Птицевидные поясные пряжки из Юго-Восточной Чечни и Дигории по сюжету, оформлению и иконографии находят параллели в искусстве Передней Азии. В оформлении некоторых из них встречаются солярные символы, что соотносит их с культом неба. В вайнахской мифологии их семантика находит параллель в образе птицы Дунен Беркат несущей благодать.

Образы петухов (Ассиновские курганы) в качестве привесок к сбруе несут охранительные функции, традиционно находясь в религиозных воззрениях иранцев и кавказцев на границе тьмы и света.

В рассматриваемый период начинается переход к политеизму и зооморфные ипостаси божеств и духов заменяются антропоморфными. В силу ограниченности уровня и темпов развития производительных сил антропоморфизация на Северном Кавказе задержалась (Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И., 1981.С.24.). В раннем железном веке у народов Притеречья еще было сильным почитание животных, образы которых фигурировали в понятиях о строении мира и религиозно-магической практике. У северокавказских народов животные непосредственно сами олицетворяли тот или иной мир без посредничества божеств. Многие божества, особенно связанные со скотоводством и охотой еще длительное время сохраняли зооморфные «рудименты», говорящие об их первоначальном облике (Елта, Галь-Ерды (вайнах.), Афсати, Тутыр (осот.) и др.). Существовало соответствие животного тому или иному божеству. В зооморфном коде северокавказцев образы животных связаны с культурами, связанными с хозяйственной деятельностью (олень, козел, баран), являются жертвенными животными (козел), способны общаться с иными мирами (использование образов в симметричных композициях с выделением центральной оси). Хищные животные и птицы и части их тела наделялись сильными апотропеическим влиянием (выделение глаз, носа, горла).

Предметы скифо-сибирского звериного стиля Притеречья отражают персидские тотемистические представлений, а также различные виды магии: охотничьей, военной. Они служили амулетами-оберегами и талисманами, некоторые отражали солярные, земледельческие культы, культы связанные с плодородием и плодovitостью, зоолатрию. С древними тотемистическими культурами северокавказских народов связаны образы волка, медведя, кабана, козла, оленя и некоторых птиц, которые часто встречаются в прикладном искусстве Притеречья середины I тыс. до н.э.

Анализ зооморфных изображений с вербальными источниками позволяет реконструировать идеологические воззрения народов населявших Притеречье в середине I тыс. до н.э.

1. образ одного и того же животного мог иметь различную семантическую нагрузку, в зависимости от культурной среды, использования образа в различных культурах, изображения на предметах разнообразного функционального назначения.

2. один и тот же культ мог олицетворяться различными животными (солярный - орел, олень, конь),

3. разные части тела животного выявляли в магической практике различные качества животного (крылья - быстрота, клюв, когти - хищность).

4. было возможно превращение или замещение одного зооморфного образа в другой (конь в маске, конь с налобником в виде других животных), дополнительное образы в зооморфной композиции акцентирует его функции в магической сфере.

Зооморфное искусство, сосуществуя с антропоморфным пантеоном божеств, нисколько не входит с ним в противоречие, отражая древние пласты идеологических представлений, тотемистические корни пантеона, связь культа божеств с почитанием тех или иных животных, а также использование животных и частей их тела в различных видах магической практики.

Заключение

Находки “скифо-сибирского звериного стиля” являются важным источником информации для воссоздания исторических процессов происходивших в Притеречье в раннем железном веке. Их изучение, начавшееся в конце XIX в. и прошло стадии от накопления и освоения материала, до выделения его в особую группу внутри скифо-сибирского звериного стиля, семантического и типологического анализа зооморфных находок. Данная работа продолжает ряд исследований по проблемам зооморфного искусства Северного Кавказа.

Территория Притеречья в конце VII-IV вв. до н.э. являлась контактной зоной между кобанской культурой и двумя волнами кочевнической. Одним из источников по реконструкции этих процессов является искусство “скифо-сибирского звериного стиля”. В развитии этого стиля в Притеречье прослеживается три этапа.

В конце VII- первой половине VI вв. до н.э., во время и после переднеазиатских походов скифов, происходит первое проникновение скифского звериного стиля в памятники кобанской культуры. В основном оно ощущалось в горах в верховьях р.Ардона и Гизельдона (Кобанский и Фаскауский могильники), в предгорьях в нижнем течении р.Чегем и Черек (Белореченский могильник), известно оно и в кочевнических курганах (Нартановский могильник). Эти находки: навершия жезлов в виде голов зайца и грифона, трехплетчатые и трехдырчатые псалми с головой барана, орла, орла с рогом и пантеры и копытом, бутероли с фигуркой свернувшейся в кольцо пантеры) отличаются чертами раннескифского и переднеазиатского искусства. Для них характерна моделировка поверхности сходящимися плоскостями, изображение большого круглого глаза, двухлопчатого сердцевидного уха, оконтуривание ноздрей и губ. Небольшая группа изображений “скифо-сибирского звериного стиля” с цилиндрической моделировкой поверхности, орнаментированная окружностями и треугольниками связана с ремесленными традициями кобанской культуры.

С середины VI до середины V вв. до н.э. в бассейне р.Терек возрастает число находок “скифо-сибирского звериного стиля” в кочевнических памятниках, происходит их широкое и интенсивное распространение в памятники кобанской культуры. Предметы “скифо-сибирского звериного стиля” продолжают появляться в тех же памятниках, что и в предыдущий период, но появляется ряд новых мест, где

появляются находки выполненные в этом стиле: в предгорьях Сунжи и Ассы (Ачхой-Мартановский могильник), в среднем течении р.Гумс и Хулхулау (Ялхой-Мохкский могильник), в горах в верховьях р.Гумс и Хулхулау. Во второй период происходит большее распространение предметов скифского звериного стиля на востоке бассейна р.Терек.

С VI в. до н.э. на Северном Кавказе фиксируется проникновение второй кочевнической волны, связанной своими истоками с территорией Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Прикладное искусство этих кочевников с одной стороны имело много общего с искусством предшествующей волны кочевников в композиционном решении (свернувшийся в кольцо хищник, копытное с подогнутыми под себя ногами), в размещении на конечностях животных птичьих голов и клювов. С другой стороны, искусство кочевников второй волны отличалось своеобразной стилистической трактовкой, композиционным решением, изображение животных “на пуантах”, на прямых ногах, с вывернутой задней частью тела, более мягкой моделировкой поверхности, ведущей начало от косторезного мастерства. Благодаря новому влиянию, в “скифо-сибирском зверином стиле” Притеречья появляется трактовка глаза животных в виде капли, изображение валика по краю оскаленной пасти, переходящего в волоту, поперечные насечки в изображениях хищников, длинное листовидное ухо у копытных, слабозагнутый клюв птиц. В связи с новым влиянием в Притеречье появляется большое число резных зооморфно оформленных костяных предметов (накладки на рукоятки ножей и нагаек, привески к сбруе), в некоторых бронзовых отливках прослеживается имитация резьбы по кости.

Это художественное течение имело ряд общих черт с искусством кобанской культуры в использовании орнаментальных мотивов (двойной линии, рифления, елочного, зигзагообразного орнамента). Культурные взаимосвязи жителей Северного Кавказа с населением Нижнего Поволжья и Южного Приуралья отмечались А.А.Иессеном (1952 г.), В.Б.Виноградовым (1963,1976 гг.), М.А.Очир-Горяевой (1988 г.). Со второй кочевнической волной на Северный Кавказ попадают зооморфные предметы в которых заметно влияние культур Сибири, Алтая, Средней Азии.

Распространение искусства новой кочевнической волны ощущается сильнее в восточных областях кобанской культуры: в горах в верховьях р.Хулхулау и Гумс, в предгорьях в среднем течении р.Гойты, междуречье р.Ассы и Сунжи, Череча и Ардона. С востока на запад его влияние ощущается слабее, в равнинных памятниках почти незаметно.

Со второй половины VI до второй половины V в. до н.э., судя по находкам “скифо-сибирского звериного стиля”, в Притеречье наблюдается взаимодействие и взаимопроникновение различных художественно-стилистических элементов внутри двух волн кочевнического искусства и между искусством кочевников второй волны и кобанским искусством. Композиция отличается разделением ее частей вертикальной осью. Изображение птичьих голов и клювов появляется на лопатке, бедре и хвосте животного. Наряду с позами характерными для предшествующего периода, появляются новые. Хищник изображается стоящим на лапах, с подогнутыми лапами “скребущимся”, склонившимся, с вывернутой задней частью туловища, “на пуантах”. Копытные изображаются с подогнутыми под себя ногами и головой устремленной вперед, с вывернутой задней частью туловища, “на пуантах”. В иконографии всех рассмотренных образов начиная с VI в. до н.э. выделяются стилистические группы, в большей или меньшей степени связанные друг с другом. Выделяется два направления, связанные с большим влиянием искусства кобанской культуры и другое с влиянием кочевников второй волны. Для первого характерно изображение зверей с резко очерченной лобной частью и челюстью, вытянутым носом с утолщением или выступом на конце, небольшим круглым глазом, зубы хищников передаются рифлением. В VI-V вв. до н.э. появляются два новых направления в иконографии

образа птицы. Степень загнутои клюва у птиц различна, изображение восковицы не характерно, на клюве изображается треугольное или каплевидное отверстие. Глаз — небольшой. Используется декоративное оформление окружениями в области шеи хищников и птиц. Характерно использование двойной линии и рифления.

Этот период является временем расцвета “скифо-сибирского звериного стиля” на рассматриваемой территории. Это проявляется в большом числе зооморфных образов, многообразии сюжетов и поз животных, в разнообразной стилистической трактовке. В этот период здесь наблюдается одновременно несколько стилистических групп, связанных с работой мастерских различных художественно-ремесленных и культурных направлений. В этот период элементы искусства различных культур взаимопроникали особенно интенсивно.

С конца V и в IV в. до н.э. количество предметов “скифо-сибирского звериного стиля” заметно уменьшается. В это время появляется античный (ольвийский и боспорский) импорт, принесенный номадами из предгорий Притеречья (Гойтинский, Бамутский, Луговой, Нартановский могильники). В этот период “скифо-сибирский звериный стиль” в Притеречье переживает кризис. Это связано с одной стороны, с оттоком кочевнического населения на запад, а с другой, с затуханием местных художественно-ремесленных центров.

От общего числа предметов “скифо-сибирского звериного стиля” в Притеречье 21% приходится на период с конца VII- первую половину VI в. до н.э., 66% — на вторую половину VI- первую половину V в. до н.э., 13% — на вторую половину V-IV вв. до н.э. В течение всего времени распространения “скифо-сибирского звериного стиля” в Притеречье в степях наблюдается относительная малочисленность таких находок, наибольшее число находок приходится на предгорные районы, где сосредоточено наибольшее число памятников кобанской культуры и кочевнических курганов. Для синкретичного локального варианта “скифо-сибирского звериного стиля” в Притеречье характерно сочетание кочевнических зооморфных образов, изобразительных схем, трактовки отдельных частей тела животных с технологическими приемами, изобразительными трактовками, орнаментальностью кобанской культуры.

Технологические особенности производства предметов зооморфного искусства отражают уровень развития ремесленного производства различных культур и позволяют довольно точно атрибутировать этническую принадлежность артефактов. Это важно, в связи с тем, что в зооморфных находках смешиваются в различных сочетаниях черты различных культур: кобанской, скифской, античной, ахеменидской, ананьинской. Использование зооморфных образов на предметах различного функционального назначения соотносится с семантикой самого предмета.

Население Притеречья использовало предметы “скифо-сибирского звериного стиля” в повседневной магической практике и в культовых церемониях. Состав образов животных отражает идеологические представления различных народов населявших Притеречье в середине I тыс. до н.э. Образы животных в геральдических композициях и в изображениях на навершиях культовых жезлов отражали их способность в космологических культах общаться между различными мирами. Копытные животные являлись жертвенными животными, связанными с культами плодородия в качестве оплодотворяющего начала. Изображение хищников являлось сильным апотропеем, переносило “положительные” качества присущие этим животным на человека. В среде северокавказских народов образы животных были связаны с охотничьими, скотоводческими и земледельческими культами.

В прикладном искусстве Притеречья находят отражение культы связанные с религиозными верованиями различных этносов и поэтому один и тот же образ мог нести различную семантическую нагрузку в разных этнических, средах. Необходимо отметить относительную консервативность прикладного искусства, по сравнению с

идеологическими представлениями. В середине I тыс. до н.э. образы животных, так ярко проявившиеся в прикладном искусстве, в духовной сфере прослеживаются лишь в качестве пережитков тотемизма. В этот период наблюдается антропоморфизация божеств, некоторые из них сохраняют свои зооморфные “рудименты” (рога, способность принимать зооморфную ипостась). Соответствие образа животного тому или иному божеству определяло его место в космологической системе народов Причеречья. Искусство “скифо-сибирского звериного стиля” не является слепком идеологических представлений своей эпохи, оно отражает более архаичный пласт идеологии.

Появление кочевников на Северном Кавказе внесло свежую струю в кобанское искусство, расцвет которого к этому времени (VI-IV вв. до н.э.) уже прошел, внимание мастера уделялось в большей степени декоративному оформлению предмета, а не зооморфному изображению и форме предмета. Кочевническое искусство дало новый импульс для развития затухающего искусства кобанской культуры, используя освоенные кобанским искусством различные технологические приемы. Благодаря кочевникам искусство Причеречья возродившись в новой художественной оболочке, заняло свое место в общности культур степного евразийского пояса раннежелезного века.

Список опубликованных работ по теме диссертации

1. Новые случайные археологические находки из Чечено-Ингушетии // Археология и краеведение — ВУЗУ и школе (тезисы докладов на II-ой региональной научно-практической конференции). — Грозный, 1985. — С.58-59 (соавторы Бурков С.Б., Чахкиев Д.Ю.).
2. Новые находки предметов звериного стиля скифской эпохи в контексте Причерноморско-Северокавказских связей // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов 1-го семинара). — Новочеркасск, 1987. — С.24-25.
3. Новые исследования памятников Наурского района // Археология и краеведение ВУЗУ и школе (тезисы докладов III-й региональной научно-практической конференции). — Грозный, 1989. — С.70-71.
4. Некоторые аспекты изучения прикладного искусства Предкавказья (на материалах скифо-сибирского звериного стиля) // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии (тезисы докладов региональной научной конференции). — Грозный, 1990. — С.35-36.
5. Техника изготовления предметов прикладного искусства населения Причеречья в середине I тыс. до н.э. // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. — Кисловодск, 1994. — С.41-42.
6. К вопросу о семантике образов птиц в прикладном искусстве Предкавказья середины I тыс. до н.э. // Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению. — Владикавказ, 1994. — С.19-20.
7. Фольклорные зооморфные сюжеты как источник для реконструкции исторических процессов происходивших на Северном Кавказе в середине I тыс. до н.э. // Фольклорно-литературные и языковые связи как фактор развития культур народов Северного Кавказа. Часть II. — Черкесск, 1994. — С.33-34.
8. К истории находок и изучения предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б.Виноградова. Часть II. — Армавир, 1994. — С.9-10.
9. Античные мотивы в прикладном искусстве Причеречья // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов IV-го семинара). — Новочеркасск, 1994. — С.12-13.

10. К характеристике одного типа **северокавказских** бронзовых зооморфных наконечников ножен середины I тыс. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Материалы конференции. — Тирасполь, 1994. — С.193-195.

11. Е.Г.Пчелина: опыт творчества // Историческое регионоведение ВУЗУ и школе (VI-я региональная конференция). — Армавир, 1995. — С.53-54.

12. Историк-кавказовед - Евгения Георгиевна Пчелина. — Армавир, 1995 — 20 С.

13. К вопросу о традициях в прикладном искусстве. // Проблемы взаимодействия национальных культур (межэтнические общения в полиэтническом регионе (тезисы докладов региональной научной конференции). Часть II. — Астрахань, 1995. — С.28-30.

14. Опыт математического анализа зооморфного искусства Причеречья (середина I тыс. до н.э.) // Актуальные проблемы археологии Кавказа (Тезисы докладов XIX Крупновских чтений). — М., 1996. — С.42-43.

15. Об одном античном образе в скифских памятниках. // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов V-го семинара). — Новочеркасск, 1996. — С.14-15.

16. Космологические представления народов Причеречья в искусстве скифо-сибирского звериного стиля. // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. — С.-Пб., 1996. — С.140-143.

17. Вопросы скифо-сибирского звериного стиля Предкавказья в работах А.А.Иессена. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А.Иессена. — С.-Пб., 1996. — С.136-138.

В печати

18. Бронзовое зооморфное зеркало из скифского кургана. // Древности Осетии. Вып. I. — Владикавказ. — С.329-338.

19. Скифы на территории Северной Осетии. // Древности Осетии. Вып. II. — Владикавказ. — 26 С.

20. К вопросу о традициях и взаимосвязях различных культур в прикладном искусстве (на примере скифо-сибирского звериного стиля). — Владикавказ. — 5 С.

21. О зооморфных находках скифского времени района Кавминвод. — Кисловодск. — 2 С.

22. К вопросу о чертах переднеазиатского искусства в «кобанском варианте скифо-сибирского звериного стиля». — Армавир. — 11 С.

23. О переднеазиатских и закавказских влияниях в скифо-сибирском зверином стиле. // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы докладов VI семинара). — Новочеркасск. — 2 С.

24. Об иконографии одного типа конских нашечников // Ювелирное искусство и материальная культура. — С.-Пб. — 3 С.

25. К вопросу о сингезе скифо-сибирского звериного стиля в Причеречье // Конференция молодых ученых (тезисы докладов). — С.-Пб. — 2 С.

26. Из истории "Открытого листа". // Историческое регионоведение ВУЗУ и школе. — Армавир. — 3 С.